Алексей
ОЛЕКСЮК

ДежаВю

день первый

Алексей Олексюк

Дежавю. День первый

«Издательские решения»
2015

Олексюк А.

Дежавю. День первый / А. Олексюк — «Издательские решения», 2015

ISBN 978-5-457-86907-3

Иногда нас посещает странное ощущение, что мы уже были в том месте, которое видим впервые, хорошо знаем человека, которого встретили только что, уже слышали то, что говорится в эту минуту. Учёные называют такое состояние «дежавю» и считают его обманом психики. Но всегда ли это обман? Может быть, так мы встречаемся с несбывшимся? Во всяком случае у вас есть возможность пережить это таинственное и чудесное чувство вместе с героем данной повести.

ISBN 978-5-457-86907-3

© Олексюк А., 2015
© Издательские решения, 2015

Содержание

1. Бологое 6
2. Гроза на подступах 7
3. Город 8
4. Прибытие. Вокзал 9
5. Там, где чисто, светло 10
6. Выход в город 11
7. Воздух 12
8. На Невском 13
9. Сошествие 14
10. «Осторожно, двери закрываются!» 15
11. Гостиница 16
12. Чёрная речка 17
13. Явление героини 18
14. Торжковский рынок 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Дежавю. День первый
Алексей Олексюк

© Алексей Олексюк, 2015
© Нина Олексюк, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1. Бологое

Он внезапно проснулся на какой-то станции. Антон проснулся от того, что прекратилось мерное покачивание вагона, ставшее привычным за последние три дня, въевшееся в мозг и застрявшее непрестанным перебоем стыков в лабиринтах среднего уха. Неподвижность оглушала, как тишина после долгого ора. Антон проснулся, но не открывал глаз. Он слышал, как собирались (стараясь не разбудить его) соседи по купе. За три дня пути эти люди стали частью его жизни, теперь же часть его жизни вместе с этими людьми уходила куда-то в ночь, и Антон чувствовал, что не в силах принудить себя встать попрощаться. Он лежал на нижних полатях, под лёгкой прохлорированной простынёй, словно в прохладном потоке – безвольно, бездумно, плавно отдаляясь от людей, которых три дня несло течением железнодорожной воды вместе с ним, а теперь относило в сторону – вправо от полотна, к зданию вокзала и дальше – к автобусной остановке.

Антон всё-таки открыл глаза. В купе уже никого не было. Постельное бельё и матрасы на противоположных полатях свёрнуты. Повернув голову, он увидел в окно, как мелькнули в резком свете станционных фонарей две тени.

2. Гроза на подступах

Больше он в эту ночь не спал. Встал, убрал постель. Посидел в темноте опустевшего купе.

Его снедало волнение.

Он вышел в коридор, где встречный ветер колыхал куцые занавески, увеличивая и без того гулкое сердцебиение. Поезд набирал ход: так спешит – невольно – человек, когда цель долгого путешествия уже близка и ощутима физически.

Но за стеклом ещё ничего не было. Только тьма…

Хотя, если вглядеться, эта тьма была двух видов: снизу погуще, немного экзистенциальнее, а сверху попроще – просто тьма летней ночи в европейской части России.

Антон вернулся в купе. Проверил вещи и документы: не забыл ли чего. Присел.

Но долго высидеть не смог. Вновь выбежал в коридор. Теперь тьма за окнами распалась. Воздух пропитался едва различимым предутренним светом. Теперь было видно, что тьма внизу – это земля, а тьма вверху – туча, идущая со стороны Финского залива. Земля летела мимо, отбрасываемая стремительным движением поезда. Местность представляла собой плоскую равнину, поросшую лесом. Там, откуда ехал Антон, бескрайний степной океан катил пологие валы, как сведённые судорогой мышцы… Поэтому плоскость этих заболоченных равнин казалась ему невероятной, геометрически слишком правильной.

Впереди по движению поезда вспыхивали далёкие зарницы. Молний не было видно – только свет мгновенно и стремительно озарявший груды сырых, как свежевспаханная почва, туч. Гром не достигал слуха: из-за дальности расстояния или шума поезда. Антон всматривался в зарницы, словно в некое небесное знамение. Казалось, там шёл бой. Там был незримый ещё город. И туда стремился поезд.

3. Город

Примерно через полчаса стало ясно, что поезд минует грозу. В крайнем случае – застанет её арьергард.

Проводник прошёлся по вагону, стуча в двери: «Через пятнадцать минут прибываем».

Антон сидел один в опустевшем купе. Он уже отнёс постельное бельё, умылся, переоделся.

Вагон ожил. Слышались шаги, голоса, стук дверей. Прямолинейное движение поезда дополнилось броуновским движением пассажиров.

За окном светало. Тонкие алые отсветы лежали на первых строениях пригорода – каких-то складах, будках, гаражах, на товарных вагонах и лицах путевых рабочих, чьи оранжевые жилетки были как нельзя в масть этому утру. Пригороды кутались в заревой шёлк.

Кто-то в коридоре обронил фразу: «Обводной канал», – и Антон припал к окну, боясь пропустить эту первую истинно петербургскую примету.

4. Прибытие. Вокзал

Когда поезд начал сбавлять ход, арьергард туч настиг-таки его серой пеленой дождика – уже без спецэффектов в виде грозовых разрядов. Серая мешковина туч и серая пелена дождя съели недавнюю пестроту красок, насытив воздух мерной торжественностью. Суета стихла. Прозвенел третий звонок. Поезд стал у перрона.

Пассажиры выходили в тёплый летний дождь без спешки. Они чувствовали важность прибытия. Место было не базарное, не крикливое. Проводники чинно помогали вынести сумки на чистый (и не от дождя вовсе) перрон. Привыкшее к железнодорожному ритму тело слегка покачивало.

Похожее на музей здание вокзала вбирало в себя приезжих.

Антон миновал гулкие своды, памятник основателю города. Новое, более вместительное здание было пристроено к старому, и переход из одного в другое не казался резким.

Снаружи лил дождь. Внутри – бесконечный людской поток. Антон купил в ларьке карту города. Какой-то бомж подошёл к нему.

– Извините, у вас не найдётся сигареты?

Впрочем, бомж мог оказаться и старым хиппи.

– Нет. Не курю.

– Жаль. Утро немыслимо без чашки кофе и выкуренной сигареты.

– Могу дать денег: купите себе пачку в ларьке.

– Благодарю, но мне нужна только одна сигарета, исключительно для тонуса.

И он ушёл – искать курящих в этом борющемся с вредными привычками мире.

5. Там, где чисто, светло

Кто-то из великих (а кто именно – запамятовал) сказал, что об уровне цивилизованности нации можно судить по состоянию общественных уборных.

Можно. Антон понял это, когда проскочил под слитной стеной воды из гулкого зала в глухой подвальчик, облицованный кафелем. Кафель сиял чистотой хирургического отделения. Пахло хлоркой. Лампы дневного света заливали помещение ровным сиянием: ни одна не мерцала от усталости. Женщина на входе вежливо приняла у Антона деньги, выдав взамен туалетную бумагу и чек. С волос и с одежды капало. Скатывались дождевые капли на блестящий в ярком свете ламп кафель. Неловко было Антону за оставляемые мокрые следы, но нужда заставляла идти дальше – осторожно ступая, чтобы не поскользнуться.

Зато потом ему мучительно не хотелось покидать это чистилище…

Казалось, там, где чисто, светло, и души должны быть чисты, светлы… Так казалось…

6. Выход в город

Перебегая в общественную уборную, он ещё не видел ничего толком: проулок, стена дождя, спешка…

Выйдя полчаса спустя на площадь, Антон почувствовал, что попал в декорации какого-то фантастического фильма. Это была другая планета. Другое измерение. Совершенно другой мир. Грандиозный в своём замысле и, в то же время, удивительно уютный в исполнении. Словно с размахом задуманную симфонию взялся исполнять камерный оркестр: и не на сцене, а прямо у вокзала, как это делают уличные музыканты… Великолепие города не подавляло, а покоряло мгновенно и бесповоротно. Так настигает вдохновение. Или любовь к женщине.

Такого количества рукотворной красоты Антон ещё никогда не видел. Город казался чьим-то гениальным сном, но настолько естественным, что немыслим был иным, как немыслима иной гроза, море, земля, воздух… Данность. Творение соразмерное жизни.

7. Воздух

Ещё несколько слов о воздухе. О петербургском воздухе невозможно умолчать.

Он был душой этого города.

Антон вслушивался в него, как вслушиваются в чужую речь – странно знакомую, но с лёгким европейским акцентом. Основной тон задавали море и камень. Но были сверх того полутона, обертоны…

Это пьянящее послевкусие волновало кровь и заставляло сладострастно замирать сердце. Никогда ещё Антону не дышалось так легко. Голова посвежела.

Всё второстепенное, необязательное внезапно ушло; осталось только главное – то, ради чего стоит жить.

8. На Невском

Всё-таки Антон перепутал улицы, хоть и сверялся с картой. Он пошёл по Лиговскому вместо Невского. Потом понял, отошёл под балкон от всё ещё моросящего дождя, раскрыл карту, всмотрелся, убрал назад в рюкзак, пошёл боковым проулком. Проулок вывел его на Невский, к закрытому пластиковой плёнкой зданию. Проспект вобрал в себя нового пешехода, направив его в общее течение, а течение повлекло по невиданным доселе гранитным тротуарам, через деревянный туннель под пластиковым пологом, покрывшим реконструируемое здание, через подземные пешеходные переходы, через Аничков мост, мимо витрин, похожих на титры чёрно-белой фильмы, мимо барельефов, балюстрад, бельэтажей, мимо – всё дальше и дальше – ко входу в метро.

9. Сошествие

Снизу, из-под земли, тянуло тёплым воздухом, пропитанным запахом стали и резины. Там дышали скрытые механизмы.

Петербургское метро – самое глубокое в мире. Об этом Антон прочёл в Интернете. Там ещё было написано что-то занимательное… Но, боже-боже, как же долог этот траурный спуск. Как сведущ этот полукруглый свод. Как сосредоточены будничные лица горожан… Ежедневно совершают они сей обряд.

«А крутенький спуск-то, крутенький», – мелькнуло у Антона в голове, – «с непривычки так и тянет вперёд всем корпусом».

Но вокруг множество народу, падать особо некуда.

С непривычки около километра земной тверди над головой щекотали нервы, вызывая прилив неровного, как язычок пламени на сквозняке, возбуждения… Ведь, если вдуматься, около километра…

Спуск долог. Нетерпеливые молодые сбегают вниз, перескакивая через ступени, перила, менее прытких сограждан.

Девушка с раскрытой книгой в руках оглянулась на Антона: он слишком пристально всматривался через её узкое плечико, силясь угадать произведение или автора. Неосторожное любопытство провинциала. Антон смущённо отвёл взгляд.

Долог спуск. Но не бесконечен. Своды раздались ввысь и вширь, открывая деловито-торжественный вестибюль.

10. «Осторожно, двери закрываются!»

Неопытному человеку трудней всего понять с какой стороны прибывает нужный ему поезд. Человек долго изучает надписи, пытаясь сообразить. Что-то соображает, но не уверен в своих соображениях и поэтому спрашивает ближнего, чьё лицо кажется наименее озабоченным. В результате выясняется, что «язык до Киева доведёт», «за спрос денег не берут» и «лучше два раза спросить, чем один раз напутать».

«Да-да, я понял. Спасибо!»

«Сейчас Горьковская закрыта на реконструкцию, поэтому я и говорю, что две станции, а если считать с Горьковской, тогда вам нужно выходить на третьей».

«Благодарю».

«Впрочем, вы услышите: там объявляют, какая станция будет следующая…»

Явлению поезда предшествовало движение вытесненного этим поездом сухого технического воздуха. Предчувствие всколыхнуло причёски и платья. Потом возник звук. Тревожный, нарастающий звук, рождённый туннелем, как гигантской органной трубой.

…Сердце сжалось невольно. Но никто не отступил от жёлтой черты…

Когда звук достиг наивысшей плотности, его, как покрывало – снизу вверх – разорвал трубный глас поезда. Туннель выдохнул его с явственным облегчением. И с такой силой, что остановить против платформы, казалось, немыслимо: неминуемо проскочит мимо, уйдя в зияющее жерло напротив.

Но остановился. Створки дверей раздались в стороны, впуская Антона вслед за другими пассажирами. Скамьи были уже заняты. Да и не хотелось сидеть. Антон встал у входа, взявшись за поручень.

«Осторожно, двери закрываются», – сообщил приятный женский голос из динамика.

И двери действительно закрылись.

«Следующая станция…»

Пол дрогнул под ногами у Антона. Плавно (не так, как в автобусе) сдвинулся вагон относительно колонн и оставшихся на платформе людей. Не было в его движении железнодорожной дрожи. Поезд плавно, но стремительно набирал ход. Промельк колонн за стеклом стал невыносим для глаз и кто-то одним махом выключил свет.

Туннель.

Туда, дальше…

11. Гостиница

Выход из метро сродни всплытию. Глотаешь свежий, промытый дождиком, воздух и с воздухом обретаешь небо над головой: всё ещё серенькое, затучкованное, но всё-таки небо, а не потолок.

Рюкзак слегка отягощал Антону плечи. Однако радость от сознания, что он здесь, что он идёт по питерской земле, своей подъёмной силой уравновешивала тяжесть ноши: шаг лёгкий, пружинистый, спорый.

Здание гостиницы – сугубо советское и тем родное – выглянуло из-под современной высотки. В другое, более респектабельное, он, пожалуй, заходить побоялся бы. Внутри, правда, пластика оказалось больше. Вежливая девушка за стойкой приняла у Антона документы, изучила их и сообщила, что заселение производится с 12:00, до этого времени он может посидеть здесь в фойе либо оставить вещи в камере хранения и прогуляться. У вежливой девушки за бежевой стойкой мелькнула отнюдь не дежурная улыбка.

– Где у вас тут камера хранения? – спросил Антон.

12. Чёрная речка

Покинув фойе гостиницы, Антон окунулся во влажный утренний проспект. Кроткие прохожие одушевляли это вычерченное под линейку пространство: без них оно было бы сухим примером из учебника геометрии за шестой класс. Впрочем, и прохожие без проспекта стали бы недоразумением, забавным или печальным курьёзом, простительным, но не обязательным. Только в его свете, в свете перспективы, которая открывалась в сторону Большой Невки, все встречные люди обретали неслыханную значимость. Они были не сами по себе, они были частью города. Проспект же задавал им направление: не только в пространстве, но и в истории.

Антон не выбирал пути. Его тоже влекло проспектом. Но дойдя до моста над Чёрной речкой, он внезапно переменил маршрут. Неосознанно. Течение воды вырвало его из поля тяготения проспекта, и он пошёл вдоль левого берега. Только отдельные детали, как водовороты, на некоторое время притягивали его внимание, чтобы потом отпустить далее:

– Старушка крошила белоснежную булку, подкармливая стайку разномастных уток;

– Тщательно отреставрированный дом начала XX века украшала вывеска о продаже квартир (эх, никогда мне не купить здесь угол!);

– Пешеходный мостик с лёгкостью гимназиста, скачущего через лужи, перекинулся с одного берега на другой.

Как было не последовать его примеру! Тем паче, что по тому берегу протянулся парк. Новый источник притяжения повлёк Антона к себе. В этом зелёном шуршании ветвей сквозила невысказанная симпатия. Сырая утренняя душа парка томилась чуть слышной испариной, которую уносил ветерок, оставляя лишь ощущение свежести, как если бы деревья только вышли из баньки на двор.

Оставив справа какое-то служебное сооружение, Антон вышел к посыпанной песком площадке, окаймлённой скамейками. Одна из них оказалась сломанной (доски сбиты с бетонных опор), а две заняты (коротковолосым парнем с ноутбуком и длинноволосым парнем с велосипедом), но остальные свободны и уже успели просохнуть. Впереди чуть виднелась Большая Невка. Антон натёр пятку намокшей от дождя туфлей. Он присел, снял обувку и с наслаждением вытянул ноги. В родном городе он никогда не решился бы сидеть в парке в одних носках. А тут… а тут и решаться не нужно было.

Стая голубей слетела с окрестных ветвей. Рассредоточилась. Потом стала методично окружать, вышагивая туда-сюда с видом озабоченных поиском корма в крупнозернистом речном песке, которым была посыпана вся площадка. Самым смелым оказался молодой белый самец: он не только подходил почти вплотную к вытянутым антоновым ногам и пристально всматривался в хозяина этих ног то одним, то другим глазом, но и отгонял ревниво прочих сородичей. Жаль, что всё съестное осталось в рюкзаке.

Попрошайки. По сути. А парк без них поскучнел бы.

13. Явление героини

Резкий лязгающий звон… вскрик… хлёсткая шрапнель волглого песка – по лицу, по открытой шее, по рукам… вихрь вспугнутых перьев…

Антон инстинктивно дёрнулся в сторону и в тот же миг был уже на ногах. Чёрный тубус подкатился к его ногам. Он невольно наклонился поднять.

– Чёрт! – услышал он довольно звонкий и явственно женский (даже девичий) голос. – Какого хрена! Кто выставил эти дурацкие туфли?! Что б ему всю жизнь босиком ходить! По битым стёклам…

Рядом со скамейкой (видимо, наскочив на неё со всего маху и перелетев по инерции) лежал облепленный песком велосипед, а рядом пыталась (безуспешно) подняться на ноги молодая девушка в джинсах и футболке (то и другое – бескомпромиссно чёрного цвета).

Парень, который чинил своего «двухколёсного друга», первым поспешил к пострадавшей, помог ей встать на ноги и тут же (# чёрт, голень!) сесть на злополучную скамейку, довольно уверенно ощупал голень (# вы медик?), принёс эластичный бинт, перетянул им растянутую мышцу (# спасибо, так лучше…), поднял и отряхнул от налипшего песка велосипед, осмотрел, что-то поправил (# бестолку, переднее колесо всё равно придётся менять…).

– Чёрт! Я думала, это голуби, – кивнула девушка на пару стоптанных, видавших виды туфель.

Только тут Антон осознал, что стоит в одних носках, да ещё и с дурацким тубусом в руках.

– Возьмите, – протянул он владелице довольно увесистый футляр.

– Оставьте себе! – отмахнулась та.

– Вы художница? – спросил Антон от растерянности, хотя совершенно не думал об этом.

– По вашей милости я теперь калека, – она впервые с начала разговора пристально взглянула на собеседника: чуть ниже среднего роста, тёмноволос, тёмноглаз, нос с лёгкой горбинкой (кавказец, что ли?), одет в джинсы, клетчатую рубашку, чёрную ветровку… ах, да – ещё в серо-голубые носки с надписью «LSD»… теперь всё… симпатичный…

– Сядьте, – скомандовала она, – терпеть не могу, когда стоят над душой. И обуйтесь уже.

Парень, что помог ей подняться, починил свой велосипед и, попрощавшись, укатил на нём. Больше он в этом повествовании участвовать не будет. Хотя, его дальнейшая судьба весьма любопытна…

– Я могу заплатить за поломанное колесо, – сказал Антон, завязывая шнурки с поспешностью, выдававшей его смущение.

Тубус лежал на скамейке, как межевая черта.

– Вы так богаты?

– Если бы я мог починить, то починил бы.

– Хорошо, – её серые глаза внезапно утратили остроту и холод стали, пропитавшись зеленоватым лукавством, – в велосипедах вы не разбираетесь. Тогда в чём же вы разбираетесь?

– Не знаю, – растерялся Антон. – Во многих вещах.

– Вы понимаете в живописи?

– Да, конечно. Я не искусствовед, но всё, что касается искусства, знаю, можно сказать, профессионально.

– Очень хорошо. Тогда вы сможете оказать мне услугу, которая компенсирует и поломанное колесо, и повреждённую ногу.

14. Торжковский рынок

Торжественный зал, гулкий и грузный, перегруженный товаром; светлое советское здание, железобетонный короб, отданный на откуп гортанному выговору, грачиной стае перелётных граждан некогда бескрайней и бескорыстной страны.

«Дэвушка, а, дэвушка, купы пэрсик! Зачем нэ хочешь?»

Изобилие. Запахи мешаются. Мелькают горы съестного: монбланы конфет, эвересты колбас, килиманджаро фруктов, фудзиямы рыбных консервов…

– Что мы тут ищем? – Антон вертел башкой, пытаясь сориентироваться в этом бурлящем котле.

– Мы ищем подарок, – пояснила девушка, без оглядки пробираясь вперёд. Она всё ещё немного прихрамывала.

– Подарок? Кому мы ищем подарок?

– Моей тёте.

– Ага, понятно, – хотя, ни черта ему было не понятно.

Через бакалею они вышли к вино-водочным изделиям. Изделия были, в основном, молдавского разлива. Но девушка выбрала вполне достойного представителя из семейства «мартини».

– Держите, – протянула она весомый пакет Антону, – держите крепче.

Картонный пакет с хлипкими верёвочными ручками. Бутылка шваркнулась о бетонный пол и распласталась пахучей желтоватой лужей. Фу, пакость!

– Чёрт! – выругалась девушка, только что расплатившаяся с продавцом, – от вас одни убытки!

– Оставьте, уборщица уберёт, – махнула она рукой, видя как Антон в растерянности подбирает осколки.

Вторую бутылку такого же точно «мартини» девушка ему уже не доверила – несла сама.

– У вашей тёти сегодня день рождения? – спросил Антон, чтобы как-то разрядить обстановку.

– Нет. У моей тёти сегодня знакомство с женихом её единственной племянницы.

– То есть с вашим женихом?

– Вы удивительно догадливы, – не удержалась девушка от очередного укола: её тонкие губы сжимали целый набор невидимых шпилек.

– Стараюсь. Но вот чего я пока не могу сообразить: какова моя роль в этом мероприятии? Я должен буду оплатить «мартини»?

– Вы должны будите воплотить её надежды. Ваша роль главная. И поэтому не подведите меня.

– Не понимаю.

– Видимо, я переоценила вашу сообразительность.

– Вы говорите загадками. Даже криптограммами. Причём, на древнешумерском языке.

– Ничего не попишешь: это мой родной язык.

Они вышли из здания. Небо посветлело. Стало выше. Тучи рассеялись. Только на востоке ещё виднелась облачная рябь, похожая на свернувшиеся в голубом кипятке хлопья молока; сквозь неё расплывчатым пятном просачивалось расплавленное солнце – ослепительный желток, растекающийся извилистыми протоками небесного архипелага (вид сверху – как на космических снимках). Резкий утренний свет окончательно убил все туманности и недомолвки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.